

МИХАИЛ ФЕДОРОВ

***ПОЧЕТНЫЙ
ГРАЖДАНИН***

ОАО «Воронежская областная типография –
издательство им. Е.А. Болховитинова»
Воронеж
2014

Художник от Бога

1

КОРНИ

8 июня 2014 года выдался жаркий день, и я, несмотря на жару, отправился в путь на восток области в Борисоглебск, где живет батюшка Стефан Домусчи. Каждая встреча с ним придавала мне сил, укрепляла, поэтому ехал с огромным желанием. На этот раз у меня была цель не просто надышаться благотворным миром моего крестного, но и подробнее расспросить о его жизни. Хотя многое о нем знал, все равно предстоял большой разговор. И вот я преодолел двухсоткилометровый путь, переехал по временно наведенному мосту через Ворону, слез из автобуса на площади у театра. Даже не прячась в тень, зашагал по линейным улицам города Бориса и Глеба и через пятнадцать минут вошел в ворота мансардного дома на Бланской. Меня, как всегда, приветливо встретили батюшка Стефан и матушка Галина. Вскоре я устроился за огромным столом в гостиной, меня поили чаем и потчевали пирожками.

Тут я и завел разговор:

– Батюшка... Вы знаете мой писательский пыл. Можно я сегодня поспрашиваю Вас?

– О чем?

Двигал кисть дальше вправо:

– Это моя дочь Людмила со своей дочуркой Ритой. Вот Ольга – жена отца Стефана-младшего, и еще моя дочь Надя с детьми Поленькой и Федей. А перед ними, – остановил движение руки на священнике в первом ряду. – Муж Нади отец Алексей...

– Такая семья! – вырвалось у меня. – И шесть священников!

– Это не все...

У меня захватило дух: были бы такими наши семьи – никакие угрозы нам не были бы страшны.

Сидят слева направо:

мама о.Александра бабушка Светлана с внучкой Сашей;

сын о.Стефана о.Александр с внучкой Марией;

жена о.Стефана бабушка Галина с правнучкой Валент;

о.Стефан;

внук о.Стефана – о.Стефан-младший;

о.Алексей – муж дочери о.Стефана Нади.

Стоят слева направо:

о.Мель и его жена – дочь о.Александра Тамар;

*сын о.Александра о.Николай с женой Светланой
и сыном Левой;*

дочь о.Стефана Ольга с сыном Александром;

дочь о.Стефана Людмила с дочуркой Ритой;

жена о.Стефана-младшего Ольга;

дочь о.Стефана Нади с детьми Полей и Федей.

- Сын прадеда, который воевал на Шипке?
- Нет, тот прапрадед по маминой линии.
- И чем он занимался?
- Народ весь занимался сельским хозяйством.
- А как? Рядом ведь море.
- От моря, ну, может, двадцать километров. Там же промышленности никакой не было.
- А маму как звали?
- Николова Мария Степановна.
- Я держал фотокарточку о. Стефана с родителями.

*о. Стефан с родителями
Меламом Георгиевичем и Марией Степановной,
Варна, 1961 год*

- А она из какой семьи?
- Там все из крестьян.
- А когда родилась?
- В 1895-ом.
- А ушла из жизни?

- У Вас есть братья-сестры?
- Были три сестры и брат.
- А сестер как звали?
- Первая Анна 1918-го года рождения. Вторая Евдокия 1921-го года. И Феодора 1927-го года.
- А брат?
- Дмитрий, он с 1924-го года.
- И как у них сложилась жизнь?
- Дмитрий – он портной. Умер в этом году на 90-ом году жизни. Сестра Евдокия умерла в позапрошлом году на 90-м году. Анна раньше – в 90-м... Из-за того, что происходит на Украине, я не смог поехать и проститься.
- Крепкий род.
- А Феодора?
- Умерла в 1953-ем году. Они все жили в Кулевче. Все были привязаны к сельскому хозяйству.
- Дмитрий в Великой Отечественной участвовал?
- Болгар на фронт не брали.
- Вот 1934-й год. Вы живете. Что у вас в хозяйстве было?
- Три лошади. Корова. Овцы. Птицы.
- А как жили?
- У всех сестер были семьи. Это до 1948-го года, после 48-го года всех загнали в колхоз. Лошадей, скот, всё отобрали.

2

ДЕТСТВО. ШКОЛА. ВЫЖИВАНИЕ

- Я спрашиваю:
- А в период оккупации где были?
 - Здесь надо в историю заглянуть. С 1917-го по 1940-й год эта земля входила в состав Румынии. С 1944-го года перешла к Союзу.
 - В школу Вы пошли в каком году?
 - В 1941-ом. И три года ходил в школу. А в 44-ом году школа не работала.

о. Стефан 8 июня 2014 года

самотканая, и они этим занимались. В основном шелк. Делали из тутовника. Это черви такие, кормили их листьями шелковицы. Спали они. А потом они капсулу делают, капсула вся обматывается шелком. Потом волокна снимают. Длинные. Я не знаю, сколько десятков метров. А потом из этого ткали. Целая система. Обувь вся была шита.

– А откуда брали червей?

– Я не помню. Но знаю, что на столах стелили скатерть. Потом сверху прикрывали их листьями, и они пожирала листья. Каждый день нужны были свежие листья.

– И как долго их выращивали?

– Наверно, месяц, полтора, два.

– Это происходило круглый год?

– Только летом. Этим занимались сестры. А брат портняжничал. Так, между прочим, весь местный народ жил. То есть, румынская провинция, которая никому была не нужна. Румыния, единственное что, из Бессарабии вывозила хлеб. Закупали хлеб, а вместо хлеба привозили из Румынии всякую ерунду: металлические ведра, те же

– Саман – это что?

– Размешивают глину с соломой – она как арматура получается, и когда она высыхает, то очень крепкая. Строили дома в основном из этих кирпичей.

«А теперь батюшка дом построил из бревен».

– И если стена в два кирпича, то она получалась сантиметров шестьдесят.

– Толстая.

– Она очень теплая. Угля, леса не было. За счет соломы, которая оставалась, отапливались. Богатые люди могли зимой жить в домах. А бедные в основном строили землянки, и в этой землянке вся семья: пять-шесть-восемь человек. Но народ приспособлялся и, в общем, жил нормально. Конечно, это не сравнить с тем, что сейчас. Не было ни электричества, ни радио, не было телефонов.

– А как сложилась жизнь у Ваших сестер? Отец выдавал замуж?

– Теперь по клубам ходят, а раньше на площади собирались, там пели, танцевали, и ребята отбирали себе, так сказать, девчат. Ну а потом, допустим, с ведома родителей, приходили свататься. Родители либо давали благословение, либо... Там всегда изучали, из какой семьи, какой это род, что он из себя представляет. Можно связывать судьбу с ними или нет. Кто слушался родителей, те более разумно поступали. Если кто не слушался – сами решали свою судьбу, зачастую это кончалось не совсем хорошо. Я считаю, что все три сестры вышли замуж неудачно. Они прожили с мужьями, но сказать, что удачны были мужья, нельзя...

– Это почему же? – спросил я, видевший семью батюшки и матушки на протяжении более двадцати лет и приводивший ее в пример другим.

– Один пил, другой был безразличен к семье. Одна из сестер даже завещала: «Когда умру, не хороните меня с мужем».

Вот разброс жизни! В который раз я поразился. Хотя мне, адвокату, поражаться было нечему.

– Тяжело...

– Это сестра Феодора. Ведь когда начался колхоз, ты, хочешь, не хочешь, ребенка закрывай и иди в колхоз. И вот однажды после

километров от железной дороги, там люди не имели возможности куда-то переезжать. Вот тот, кто стремился уехать из своих сел, умирал на ходу. Я видел эти трупы на улице, когда люди из прибрежных сел стремились попасть на вокзал, чтобы куда-то уехать. Многие уезжали в то время за продуктами. Ну, какими продуктами? Скупали картофель в Западной Украине, ездили в Ивано-Франковск, на Львовщину. Покупали картошку. А привозили ее в товарных вагонах. А зимой эта картошка замерзала. Мерзлую картошку люди ели. Это ужасно! Вам трудно представить то, что пережил народ. Что я сам видел.

– А как мама с папой пережили это время?

– Люди пухли... Еле-еле и пережили.

– А за счет чего?

– Ну, за счет того, что брат шил. Мог что-то заработать. Были какие-то остатки зерна... Ходили по домам так называемые уполномоченные и отбирали у людей зерно, которое могли найти. Отбирали, потому что в России был голод. Ну и потом, когда дожили до весны, то травой питались, всякими ягодами. У нас в Бессарабии растет – я даже не знаю, как назвать – типа картошки. Длины с палец, кожура коричнево-серая. Идешь, смотришь. Вырастает куст, значит, там что-то есть. Приходишь, лопатой начинаешь копать. Из таких «шахт» под землей достаешь рукой. Это спасало людей.

– Типа картошки?

– Даже не знаю, как эти плоды точно назвать. Варили и ели. Сырыми ели. Они лучше сырыми шли. Сладкий такой клубень. Типа топинамбура. Но топинамбур растет – высокий стебель, как кукуруза. А это мелкий. С розовыми цветочками. Сусликов ели.

– Они же маленькие.

– Поймали, убили, ободрали, сварили, съели. Ужасное время было. Да мои родители еще что-то доставали, чтобы покушать, я еще как-то держался. Пять-шесть моих товарищей – с ними идем в поле, ловим сусликов. Рядом разжигаем костер. Это ужасно. Были случаи, когда ребята или мужчины даже не выдерживали: кто вешался, кто бросался под поезд. Народ был оставлен. Если бы не отбирали скот, зерно, люди, может, еще как-то пережили. А здесь все

– Это в 1940-ом году. Россия же завоевала Бессарабию, Западную Украину, Прибалтику, часть Белоруссии. Отдельные области отошли. Наш священник прятался. Русские в 40-ом пришли, в 41-ом ушли. Это время – может, около года – священник прятался у моих родственников. Кроме папы и мамы, никто не знал, что он там. Ну и, конечно, родители принимали участие, чтобы прокормить священника. А когда Советская власть ушла, он стал снова служить. А во время войны, в 44-ом году, когда Советская Армия наступала, он заранее уехал в Румынию. И были данные, что где-то в 60-х годах он еще жил в Румынии. Кто-то его видел, и он спрашивал: есть ли кто-то из местных ваших, кто ушел в семинарию. Ему рассказали про меня. Он сказал: я эту семью знаю. Они всегда, весь их род, были настоящими верующими.

– Он одинокий был?

– Нет, с семьей. У него дети занималась в Румынии. Он вместе с матушкой жил.

– У Вас с ним были личные отношения?

– Нет, я ведь маленький. Видел его на расстоянии. Ну, когда причащался. Ну что там? Мне пятый, шестой год.

– А пришли Советы, священник уехал. Эту нишу кто-то заполнил?

– Нет. Народ ходил, молился, но священника не было.

– Сами открывали храм?

– Да, а в 45-ом появился священник. Потом все время духовенство было. Но надо сказать, при Советской власти священников не трогали. Правда, ставили, особенно при Хрущеве, вопрос о закрытии церквей. Но это все решалось на уровне местной власти. Если местные власти, наоборот, стояли, чтобы действовала церковь, они протестовали и храмы оставались. А где некому было заступиться, храмы были уничтожены.

– То есть Вы в 52-ом году заканчиваете 9-ый класс, у вас Закона Божьего нет, но раз папа и мама верующие...

– Было распространено епископом через благочинных, через настоятелей храмов задание искать кандидатов, чтобы ребята поступали в семинарию. Ну вот, наш местный священник отец Матфей Цао...

– Что-то корейское.

Батюшка рассмеялся и:

– Да, «Вас приглашают», – говорят. Сельсовет был через улицу. Я прихожу туда: «Здравствуйте» – «Здравствуй» – «Молодой человек», – очень культурно со мной поздоровались, руку подали.

– Кто?

– Кто вызвал.

– Он в возрасте?

– Что вы, если мне восемнадцать, ему где-то двадцать семь.

– Разница большая!

– Да. «Нам стало известно, что вы хотите поступить в семинарию», – говорит.

«Донесли!»

– Он: «О вас хорошо отзывается школа». За год до этого в 51-ом году каждая школа сдавала рисунки на выставку в область. Область тогда была Измаильская. Потом Измаильскую область отдали Одесской. Я представил две работы: портрет Ким Ир Сена и Мао Цзедуна.

– Надо ж! – теперь я прорвался смехом, но сразу окоротил себя: – В то время все рисовали вождей.

– Как раз Россия дружила с Китаем, и тем более с Кореей. А я уже хорошо владел рисунком. И два портрета – причем большие, они заняли первое место.

– В точку попали!

– Пришло приглашение через школу, что могут устроить в любое учебное заведение по живописи. Он: «Видите, вам дорога открывается, а вы не хотите поступить». Я: «Да нет, я твердо решил поступить в семинарию».

– Это работник сельсовета?

– Да нет. Видимо чекист из района. Он приехал и позвал в сельсовет. Я говорю: «Знаете, я хочу служить Богу, народу и Отечеству».

Я еле сдержался, чтобы не воскликнуть: «Во!».

– Его это знаете, как подкупило. Он: «Молодец, в вас есть идея». И на этом он пожелал мне успехов, – сам батюшка говорил весело, даже озорно, – культурно проводил меня до дверей, руку подал, пожал... И вот когда я приехал в семинарию сдавать вступительные,

- Еще бы, только Мао Цзедуна и Ким Ир Сена рисовал!
- Директора сняли.
- Как сняли?!
- С работы. За то, что не усмотрел.
- Но чекист же добро дал.
- Вот тебе и дал. Надо было показать, чтобы другие директора не упустили своих ребят.

4

СЛУЖБА В АРМИИ. БОЛЕЗНЬ. УЧЕБА В СЕМИНАРИИ

- Сколько учились в семинарии?
- В семинарии четыре года. Поскольку меня брали в армию, и я год пропустил.
- А в армию Вас когда забрали?
- После второго класса.
- Наверно, курса? – я хотел уточнить.
- В семинарии *классы* называются.
- А как вышло, что взяли?
- По исполнению мне двадцати лет. В двадцать забирали всех.
- Независимо ни от чего?
- Конечно. Определили меня во флот на крейсер, который потом был взорван.
- «Новороссийск»³.
- Да, «Новороссийск». Но я молил Бога, чтобы мне прислал любую болезнь, только бы я не служил. Я заболел туберкулезом. Мне делали операцию.
- Какую операцию?
- А тогда самое эффективное лечение было поддуванием.
- Это как?

³ «Новороссийск» – линкор Черноморского флота ВМФ СССР. До 1948 года корабль входил в состав итальянского ВМФ под названием «Джулио Чезаре».

– Это было опасно.

Матушка незаметно приносила по чашке чаю, ставила на стол.

– Спасибо, – благодарил я.

Чай уходил незаметно, как незаметно по времени тёк разговор.

Батюшка продолжал:

– Меня забрали осенью, а вернулся через месяца три-четыре.

– Вы продолжали лечиться в миру?

– Да, жил в Белгород-Днестровске, а потом вернулся и жил в Одессе и устроился в мастерскую Михаила Михайловича Потапова. Писал иконы. Учился и в то же время зарабатывал.

– У Вас было свободное посещение?

– Да, мне разрешили экстерном сдавать. Год же я пропустил из-за армии. За третий класс я сдал экстерном, поступил в четвертый. Семинарию закончил хорошо и поступил в академию... А когда привезла «Победа» в Крым, замполит спрашивает: «Что вы можете делать?» – «Я в какой-то степени художник». Они дали материал, я написал портрет Ленина. Они: «Вот это наш!»

Я от души смеялся: на портрет вождя кисти семинариста купились офицеры.

– И меня определили на «Новороссийск» художником, – говорил Стефан Михайлович. – А потом я почувствовал, что мне плохо.

– Что именно почувствовали?

– Температура, потел. Пришел врач, узнал, что я из семинарии, провел со мной нравоучительную беседу. А я ему: «У вас же есть архиепископ Лука» – «Есть» – «Профессор. Вот видите, ему же не помешало быть верующим и профессором». Он приходил несколько дней подряд. Спрашивал, задавал вопросы, я ему отвечал. А потом: «Юноша, при вашей болезни, а вы еще не приняли присягу, мы долго держать в госпитале не можем, мы должны вас перевести в гражданскую больницу». Перевели в гражданскую.

– А Севастополь был в руинах?

– Уже более-менее подлатали. Прикрепили мне врача. Помню, Лидия Кузнецова, очень симпатичная. Она наблюдала-наблюдала,

УЧЕБА В АКАДЕМИИ

Мне особенно хотелось узнать о духовной академии, которая, как неведомый остров, всегда манила меня. Я наслышан был о военных академиях, Академии наук, а вот жизнь духовной мало себе представлял.

– А как жизнь в академии? – спросил.

Служители духовной академии

– Все лето подработки по живописи. И, когда учеба, я никогда не болтался ни по кино, ни по развлекательным залам. В театр мы ездили с товарищем. Это Большой театр. Когда я поступил в академию, в ней открылся иконописный кружок. И я был первый, кто пришел в этот кружок. Нас было шесть человек. Но потом один устал заниматься. И нас осталось пять. И я все четыре года в академии занимался и был старостой кружка. Когда поступил в академию, я писал портреты и иконы. А когда четыре года позанимался у Марии Николаевны Соколовой, то...

Батюшка встал и взял со стеллажа огромную, похожую на альбом, книгу «Благословенный труд».

Нашел в ней страницу с фото:

– Вот наш кружок. Вот Мария Николаевна меня консультирует. А это портрет митрополита Киевского Владимира.

Монахиня Юлиания

– Поступили.

– А что требовалось для поступления?

– Если окончил семинарию по 1-му разряду, то есть ни одной тройки не имеешь, в академию поступаешь без экзаменов. Приехал в Загорск. Теперь Сергиев Посад. Меня встретил инспектор архимандрит Леонид Поляков⁵.

Я всматривался в строгие фигуры кружковцев.

– Марии Николаевне разрешали реставрировать иконы, которые занесли в списки ЮНЕСКО, – говорил батюшка. – Она – монахиня Юлиания⁴.

– Батюшка, а почему пошли в академию?

– Окончил семинарию, и захотелось высшего образования. Семинарию окончили двадцать пять или, может, двадцать два человека, и семь человек пошли в академию.

– И поступили?

⁴ Монахиня Юлиания (в миру Мария Николаевна Соколова; 8 ноября 1899, Москва – 16 февраля 1981) – известный русский иконописец и реставратор XX века, тайная монахиня Русской Православной церкви.

⁵ Митрополит Леонид (в миру Лев Львович Поляков; 19 февраля 1913, Санкт-Петербург – 8 сентября 1990, Рига) – епископ Русской Православной Церкви; митрополит Рижский и Латвийский. С 1957 по 1959 год в сане архимандрита был инспектором Московских духовных академии и семинарии.

– Да... Так изменился образ Вашей жизни?

– Понимаешь, это другой уровень. Преподаватели, в основном, профессора.

Мне было понятно, о чем говорит батюшка. В свое время сам общался с академиком, членами-корреспондентами Академии наук СССР, профессорами Московского Государственного Университета.

– Читают лекции. Громадная библиотека. Можешь по любому предмету найти литературу, которая тебя интересует. И готовься. Утром, вечером – молитва. Все праздники – на службу. Патриарх часто приезжал. Всякие делегации. Ну, совсем иной

уровень. И здесь я сразу себя проявил. Написал портрет прославленного профессора Козлова. И все ахнули. В то время людей с высшим светским образованием в академию никого не пропускали. А, вдруг, юноша уже с какими-нибудь наклонностями... Потом я по просьбе ректора написал его портрет. Яркая личность такая... Атласные ленты. Медали от такой церкви. От такой. Ему исполнилось шестьдесят лет. И было общее собрание, чествовали его. И когда преподнесли этот портрет, все ахнули.

– Вы писали его с натуры?

– С натуры начинал. Потом брал у него медали – этих медалей столько, что не усидит, чтобы написать. А в позапрошлом году, когда был в академии, увидел: портрет висит в академическом музее.

– А как фамилия ректора?

Мне все было интересно, и я настойчиво выяснял у батюшки даже детали.

Справочник «Единый художественный рейтинг»

*Патриарх Московский
и всея Руси Пимен*

Патриаршая резиденция в Чистом переулке в Москве

– Он спрашивает: «Какие у тебя дела?» Я: «Да вот, направили в Одессу». Он: «Да не езжай ты туда! Зачем тебе в Одессу» – «Вот направление» – «Езжай к митрополиту Борису⁹ и любым способом, под любым соусом откажись. Я тебя возьму в Воронеж». А я уже с матушкой был знаком и дружил.

– Она воронежская?

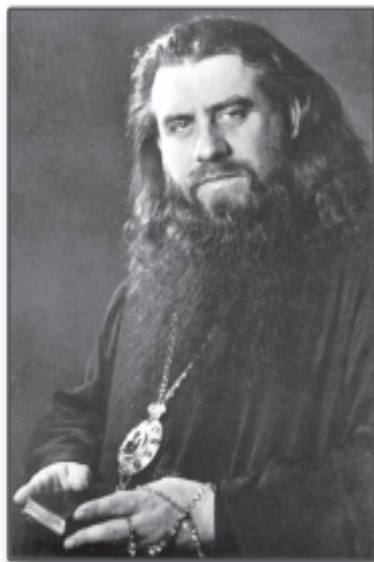
– Из Острогжска.

– А где Вы с ней познакомились?

– Она в академию приезжала к брату. Брат занимался в Московской семинарии.

– А семинария тоже была в Загорске?

– Да, но корпуса разные. Я приезжаю к владыке Борису. Он: «Молодой человек. в нас свободных преподавательских мест нет».

Митрополит Одесский и Херсонский Борис

⁹ Митрополит Борис (в миру Борис Иванович Вик; 28 августа 1906, Саратов, Российская империя – 16 апреля 1965, Сочи) – епископ Русской Православной церкви, митрополит Херсонский и Одесский.

преподаватель из Одесской духовной семинарии отец Николай. Он меня венчал.

Я смотрел фотографию из далекого 1961-го года. Я тогда только пошел в школу.

– Через некоторое время нужно идти к уполномоченному по делам религий. Представиться, что я прибыл, – не останавливался батюшка.

– А кто был уполномоченным, не Быковский ли?

Я знал Быковского. После учебы в Москве заходил к нему. Уже тогда меня интересовала духовная жизнь людей.

– Нет, до него был Назаров Александр Петрович. Старый еврей. И очень мудрый человек. Прихожу к нему. Он руку подал: «Садитесь. Ну, рассказывайте о себе, откуда, что как?» Я: «Окончил Одесскую семинарию, Московскую академию. Вот получил назначение: сюда в епархию». – «Ну и что вы думаете делать? Что вам предложили?». Я говорю: «Знаете что, владыка сказал, чтобы я стал у него старшим иподьяконом». – «Ну что вы?!» – словно подражая уполномоченному, затянул голосом отец Стефан. – «Окончили академию и будете кому-то подол заносить. Рукополагайтесь. Мы дадим вам приход, и будете служить». Безусловно, уполномоченный и чекисты уже все знали о каждом.

– Навели справки.

– Парень не пьет, не нагрешил. Можно принимать. В общем, за всем смотрели. Владыка меня рукоположил в дьякона. У меня был звонкий и очень красивый тенор. И, когда я на молебне вышел и запел, весь зал удивился: откуда такой голос! Правый хор из пожилых певцов: «Какой же тенор!». Владыка Сергей хотел взять меня в собор.

– Покровский?

– Да, а бухгалтером у него служил Александров из Одесской семинарии. Он тоже меня знал. Но страшный завистник. С хорошим голосом, правда. Но работал бухгалтером. Позавидовал, что будет у него соперник. И владыка сказал: «Мы сейчас вас направим в приход, а через некоторое время я заберу вас к себе сюда». И первый приход мой – направляет меня в Давыдовку. Приехал в Давыдовку, там был такой Кривицкий.

БОРИСОГЛЕБСК ИЛИ ВОРОНЕЖ

- Потом приглашали в Казанскую церковь.
- Это в Воронеже?
- Да, в Воронеже. Уполномоченный вызвал: «Вот мы вас решили...».
- Это еще при Сергии?
- Нет, Сергей уже уехал. Это при Паллади¹⁰. Я говорю: «Не пойду туда» – «Напрасно».

**Архиепископ Воронежский
и Липецкий Палладий**

¹⁰ Архиепископ Палладий (в миру Георгий Михайлович Каминский; 20 августа 1896, село Фёдоровка, Херсонская область – 6 июня 1978, Одесса) – епископ Русской Православной церкви. С 5 февраля 1965 года по 3 февраля 1968 года архиепископ Воронежский и Липецкий.

«А может, лучше, что не пошли, – теперь подумалось мне. – Разве стали бы народным батюшкой?»

– Я очень до сих пор жалею. У меня хорошие отношения были с Ювеналием. Надо было пойти. А было так: у матушкиного брата отца Георгия освящали квартиру. И на этом освящении были владыка, секретарь епархиального управления – тогда Боязов, был такой. И я с матушкой. Владыка: «Отец Стефан, оставайтесь, завтра я царский прием устрою». Я: «Ну, скажите причину» – «Я хочу пригласить вас настоятелем собора» – «Ой, владыка, да нет, не пойду я. Не хочу оставлять Борисоглебск». Дубина, а нужно было идти! И, безусловно, он на меня обиделся. Ну как? Архиерей тебя приглашает куда, настоятелем Собора! Своим помощником!

– Видное лицо в епархии.

– И ты не идешь.

– А это было в каком году?

– Наверно, в 79-ом. Это буквально через короткое время: мой второй священник бросил жену с детьми, спутался с дамой легкого поведения и прямо от этой женщины – на службу.

– Ужас!

– Жена прислала своего работника (у нее мужик тогда работал): «Вот, он бросил с детьми». И я по молодости горячий выгнал батька со службы. Это не понравилось архиерею, и пошла у нас тяжба.

«Ну, а как же не выгнать, когда храм – место чистоты – оскверняется», – подумал я.

– Вчера были друзьями, сегодня стали врагами. Я поехал тогда в Москву.

«Все мы в молодости горячие, с обостренным чувством справедливости».

– Ему несколько раз – тогда Алексей управделами был – говорил: «Не делай глупость, не трогай» – «Нет, тогда меня никто слушать не будет, если сейчас я не переломлю». Потом Ювеналия убрали... Позже Мефодия...

Я знал, что послужило снятию Мефодия с Воронежской и Липецкой кафедры. Ко мне первому пришли после избиения сына одного священника во время митинга у покоев Мефодия, который

«Да, а заслуженного не пробил».

– Может, после 80-ти я ума наберусь, – вдруг посетовал батюшка. До юбилея остались считанные месяцы.

Я подумал: «Вот мудрейший человек, душеприказчик стольких людей, а его раздирают сомнения. Может, это и есть двигатель нашей жизни, когда самые мудрые ищут ответы на бесчисленные вопросы, а находя, снова сомневаются».

Хотя этот священник казался мне чуть ли не святым.

– Вот иногда шлепнешь, не подумаешь... – снова сетовал отец Стефан. – Вот когда у меня была выставка в атомном центре.

– В Сарове?

– Да. И Кирилл¹² говорит: «Можно, я куплю что-нибудь?». Ахал-охал. «Мы с Вами всю Европу пройдем с выставками». А рядом стоит Сергей¹³. Сергей только приехал, и я с ним не был ни в каких отношениях. И я сказал: «Как благословит правящий». И он обиделся. Кирилл обиделся на меня и, хотя после выставки должны были встретиться, он ушел и не стал со мной говорить.

«Какое окружение у батюшки: первые лица церкви».

– Вот такие ляпсусы в жизни иногда допускал...

– Батюшка, это не Вы допускали, а они, кто оказался на голову ниже и не понял Вас...

– Понимаешь, я очень много делал с точки зрения своего понимания. А нужно всегда, – сказал, словно не слыша меня, потом помолчал и: – выбирать осторожнее... Самое лучшее слово – несказанное. Потому что скажешь...

– Мне, как адвокату, нельзя молчать. Не скажешь – и упустишь. Хотя и порой промолчать надо...

¹² Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (в миру Владимир Михайлович Гундяев; 20 ноября 1946, Ленинград, СССР) – впоследствии Патриарх Московский и всея Руси.

¹³ Митрополит Сергей (в миру Виталий Павлович Фомин; 24 августа 1949, Краснозаводск, Загорский район, Московская область) – епископ Русской Православной церкви, митрополит Воронежский и Лискинский.

- И где Илий живет?
- В Переделкино. Где и Святейший... Батюшка, а где у Вас ещё были выставки? Сколько их?
- Трудно их перечислить. Я одно время считал, их оказалось около шестидесяти.
- И каждую привези, отправь...
- Очень трудно. Надо каждую картину записать. Упаковать. Сложить. Увезти. Распаковать. Скомпоновать, где какая будет висеть. Развесил, пару дней нужно побыть, чтобы посмотреть, какое движение. Если хочешь что-то продать, нужно там присутствовать. Не будешь присутствовать – толку никакого не будет. Одно дело – в Воронеже, другое дело – в Москве.

На выставке о Стефана

- А если за границу, то нужны документы на вывоз, – согласился я. Знал сколько достается и нынешним писателям, которым приходится не только писать книги, как батюшке картины, но и издавать, а потом еще распространять.
- За границу – это через Министерство культуры. Там есть организация, где нужно показать каждую работу, сфотографировать;

Батюшка в своей галерее 8 июня 2014 года

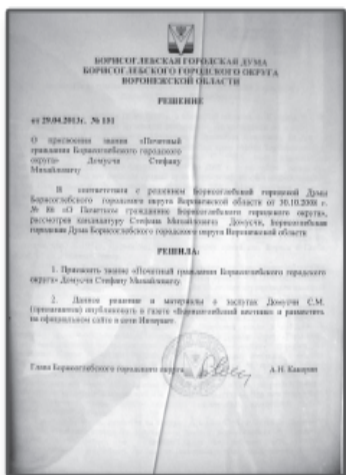

Батюшка показывает награду

Благодарность Российской академии художеств

задумался. А по приезде в Москву говорит Полтавченко: «Георгий Сергеевич! Я был в провинции. Есть художник. Хлопочут о нем. Местный не разрешает...». Он: «Ты звони Кулакову (тогда губернатор

Признание борисоглебцев

областная. Даже районная. И организация, откуда ты есть. Но какое отношение имеет организация, когда она духовная совершенно... А как-то сюда приехал из Москвы от Полтавченко¹⁵ Александров. Наше телевидение: ну что можно показать? Его повели ко мне. Он посмотрел и: «Вы не заслуженный?» Я рассказал ему эту историю. Он

Воронежской области). И скажи ему мое пожелание». А от Александрова представитель в этот день был на приеме у Кулакова. Александров потом рассказывал: он звонит Кулакову, а его представитель у Кулакова и слушает. А Кулаков говорит: «Вы знаете, у него не складываются отношения с митрополитом. Он против. Поэтому вопрос пока не могли решить». Александров говорит Кулакову: «Это установка. И вопрос не обсуждается». Кулаков снимает трубку, вызывает Юрия Андреевича Савенкова (заместитель губернатора Кулакова): «Юрий Андреевич, где

¹⁵ Георгий Сергеевич Полтавченко тогда был полномочным представителем Президента России в Центральном федеральном округе

В ГУЩЕ ЖИЗНИ. СОКУРСНИКИ

Матушка пригласила обедать. Мы вернулись за стол.

– А помните, рассказывали, как Руцкой (Тогда Вице-президент Российской Федерации) приезжал? – спросил я.

– Да, со своим окружением. Михалков. Они сидели за этим столом. Тогда главой области был Ковалев, а Кулаков только начальником ФСБ (Кулаков тогда еще руководил Управлением ФСБ по Воронежской области). И здесь он обеспечивал безопасность гостей.

– По-нынешнему, вип-персон.

– Ну, когда за этим столом угостились, главу области не пригласили сюда. Хамство, конечно. Привез мне неизвестных людей, мне они сто лет не нужны. А вот главу-то надо. Я главе сказал, а он: «Я вас понимаю, как хозяина, но здесь вице-президент. Он должен пригласить».

– А не пригласил...

– Я поднялся наверх...

– Где картины?

– Да, там Кулаков: «Ты пойдешь?». Он: «Я не могу. Я должен охранять». Сидели, потом Руцкой говорит: «Надо где-то уединиться, поговорить». Пошли в комнату. Он стал на колени перед иконой: «Даю слово, как священнику, что вся жизнь моя будет посвящена служению народу. России...» И тому подобное. А потом куда всё это делось?

– Да...

Ели мясистые котлеты с картошкой, салат из огурцов, политый душистым маслом. Я знал гостеприимный и очень домашний мир семьи священника и теперь наслаждался едой.

– А помните, как решался вопрос, кому руководить Борисоглебском?

– Это до Ковалева... Главой области был Калашников. Он посетил мою выставку, ахал-охал: ну как священник такие картины

«Молодец батюшка, не сдавал руководителей заводов, которые давали работу горожанам!».

– И как?

– Работал сначала хорошо. Но потом окружение подвело. Другой губернатор его снял.

– Батюшка, вернемся к академии. С кем Вы учились?

– Ну, с Патриархом Илией. Грузинским¹⁶. Он на год старше меня по академии шел. Как-то получилось, что мы всегда рядом стояли на левом клиросе. Я очень уважал его. У нас добрые отношения были. Он окончил академию в 60-ом году, я в 61-ом. И только в 1988-ом году, когда отмечали тысячелетие крещения Руси, у Большого театра встретились. Он меня узнал: «Стефан, а почему ты такой седой?». Я: «От жарких объятий своих руководителей. А вы, Ваше Святейшество?» – «Ну, я же Патриарх! У меня ведь большие заботы».

– Оба седые... – я в который раз восхитился пепельным прядям на голове крестного.

– И как-то проскочило по телевизору, что он даже икону написал Спасителя. Конечно, примитив грузинский, но было желание что-то после себя оставить.

«После батюшки останутся тысячи крестников, сотни картин, столько разлитой им человечности».

– Ты представляешь, икона написана Патриархом таким-то. Пусть даже плохо написана. Но Патриарх. Имя.

– Это при нем была война в Абхазии?

– При нем.

– О, ему выпало...

– Я вам скажу, он все время пророссийского настроения.

– Сколько в группе в академии человек?

– Поступило двадцать семь, окончили двадцать два.

– А где пять?

– Отсеялись. Кто по болезни. Кто женился и на приход ушел. Кто просто оставил академию. Мы закончили двадцать два человека.

¹⁶ Католикос-Патриарх Илия II. С 21 декабря 2010 года Святейший и Блаженнейший Католикос-Патриарх Грузии

Митрополит Ювеналий (Долганов)

Митрополита Ювеналия на храмовой праздник. В Москве возможности большие. На столе, как говорится, всё есть. И осетрина, и севрюга, и жареное, и пареное и тому подобное, и всякие вкусности. А он говорит: «А что у вас там в чашке?» – «Владыко, это капуста» – «О, это все у меня дома есть, а вот капусты у меня дома нет». И он около себя поставил чашку и ел одну квашенную капусту. Но, говорят, крепкий выпить. Мне рассказывали, что когда-то со Швыдким, министром, выпили.

Он говорит: «Михаил Ефимович, я из пьющей семьи». И еще выпили. Вот он служит.

– Я с Гавриилом Николаевичем Троепольским когда-то попал за стол. Он выпил стакан водки и ничего! Крепкие люди.

– Потом еще Митрополит Минский, уже по возрасту на покое, Филарет¹⁸. Недавно умер отец Сергей Суздальцев¹⁹. Известный московский протоиерей. Из священников остался я один. И преподает в академии Нелюбов. Может, кто-то есть, но у меня никаких сведений ни о ком больше нет.

¹⁸ Митрополит Филарет (в миру Кирилл Варфоломеевич Вахромеев, 21 марта 1935, Москва) – епископ Русской Православной Церкви на покое, почётный Патриарший Экзарх всея Беларуси.

¹⁹ 16 марта 2014 года, на 81 году жизни отошел ко Господу настоятель храма Живоначальной Троицы на Воробьевых горах в Москве протоиерей Сергей Суздальцев.

Мне почему-то не было обидно, что батюшка не стал ни митрополитом, ни профессором. Я тоже как был солдатом-писателем, солдатом-адвокатом, так им и остался.

10

УВЛЕЧЕНИЕ И ПЕРЕПЕТИИ БАТЮШКИ

– Что в Вашей жизни занятие живописью? – спросил я.

– В простонародье есть такое мнение, что таланты даются от Бога, и люди искусства – я имею в виду культуры – писатели, музыканты, художники, певцы – отмечены даром Бога... Думаю, дарование у них чуть-чуть, может быть, больше, чем у других.

«Как мне это понятно. Учась в спецшколе для одаренных детей, я видел именно это: одаренные шли на несколько шагов впереди обычных школяров».

– Писательский дар, – говорил батюшка, – больше у какого-нибудь пишущего человека. Так же и у певцов: у кого-то чуть-чуть больше голоса. Он развивает его. Так же у других. У художника. Для меня искусство – вторая моя ипостась службе у престола. Служить Богу, проповедовать – это одно. И второе – это мое гражданское увлечение, в которое я вкладываю душу полностью, чтобы воспеть творение Божие, преподнести людям не в испорченном виде, как там кривляются, такие школы создают. А показать мир таким, каким создал его Бог. Чтобы каждый человек в нем видел себя, свой интерес.

«Как созвучны слова батюшки моей второй ипостаси после адвокатуры – писательству».

– Вот сейчас один приехал из Америки. Вы, наверно, читали объявление в Воронеже, что набирает художников, чтобы открыть институт живописи.

– Нет, я как-то с прессой не очень. Разве что судейские новости...

– Там он все видит в какой-то искривленной форме, непонятны сюжеты, непонятно исполнение. Для меня это неясно. Для чего и кому нужна такая школа. То ли от пресыщенности публики. То ли мы не понимаем этого. Но я в этом искаженном искусстве вижу пир Сатаны.

пособоровал, причастил. Я им никогда не отказывал. И вдруг она мне звонит: «Батюшка, да мы хотели маму пособоровать, она себя очень плохо чувствует». Чем-то я был занят и говорю: «В семь часов подъеду пособорую». А потом думаю: «Э, а вдруг до семи не дотянет. И умрет. Я буду перед Богом отвечать. Нет, наверно сейчас поеду». Она мне звонила в два, в начале третьего. Ну, прошло минут сорок. Я говорю себе: «Нет, бросаю все дела, они никуда не денутся». Одеваюсь, сажусь в машину, приезжаю. Она действительно плохо уже выглядит. Но еще в полном сознании. Я пособоровал ее. Причастил. И ровно в семь часов мне звонит дочь и: «Батюшка, мама скончалась». А когда мы приехали отпевать, они выставили фотографию 60-х, 70-х годов. Я глянул: Вера. Та, которая постоянно ходила в церковь, еще молодая. Где-то в моем возрасте. Если мне было около тридцати, и ей было. Я был настолько удивлен, что это та Вера и что Господь сподобил меня, дал мне возможность, что вовремя я пришел, пособоровал. Причастил. И похоронил. И потом я удивлялся, что это Вера, которую я не узнал.

Меня поразила эта история о девушке из молодости батюшки. У меня самого порой происходили встречи, неожиданно вспоминались события далекой юности. Но история Веры поразила больше: она шла к батюшке с верой, что было выше других желаний.

– И сегодня дочь подошла: «Батюшка, да мы хотим заказать портрет», – не останавливался Стефан Михайлович. – «Какой лучше, когда она была в возрасте или когда молодая?» Я говорю: «Давайте ту фотографию, когда она была молодая». Очень красивая, симпатичная женщина. «Вас не будет. Останутся ваши дети, внуки. Правнуки останутся. Они будут видеть, какая красивая была бабушка. Прабабушка. А когда уже старая, смысла нет».

– Батюшка, Вы сначала росли в Румынии. В комсомол, как я понимаю, не вступали. Это как-то отразилось?

– Вы знаете, я сейчас объясню. Воспитание у моего поколения еще оставалось религиозное. Тем более, что при религиозной семье. А когда вступали в комсомол, это была ломка человеческой природы. Советская власть комсомолу давала полную свободу. И они так же хулиганили, как сейчас Правый сектор в Киеве. – На Украине не

РОДНОЙ БОРИСОГЛЕБСК

- Батюшка, – затронул я новую тему. – А в каком храме Вы начали служить в Борисоглебске?
- В Знаменском.
- А с какого года служите?
- С 1961-го.

Знаменский храм в Борисоглебске

- Но я знаю, что Вы заняты и храмом Бориса и Глеба, который в парке Борисоглебска.
- Да, с 2004-го по 2009-ый год. Я дал согласие его восстанавливать. Он был разрушен. Но в это время я был Почетным настоятелем Знаменского храма.
- Сколько лет Вы отдали Борисоглебской земле?
- Пятьдесят два года. Сейчас идет пятьдесят третий. Был здесь священник, который построил Знаменский храм. Он в этом храме

На погосте около Знаменской церкви

На погосте около Знаменской церкви

это пустое место. Как и в проповеди. Я как проповедую? Я редко – ну, может в молодости, у меня был один подход, а сейчас другой – передаю пересказ Евангельского прочтения. Я говорю: «Братья, сестры, я Вам напомню сегодня, какая тема была «О блудном сыне». Ну, вы знаете, как это было». В нескольких словах описал. «Какой вывод? Мы какое отношение к этому имеем? Что мы можем для себя взять? Применить к своей жизни?». Если это не сказать людям – пересказ любой прочитает – а где основная мысль? Какая идея? Что из этого?..

– Вы любите Борисоглебск?

– Вы знаете, я его полюбил в каком плане: что я ему посвятил всю свою жизнь. Здесь столько крестил, венчал, отпевал. Можно сказать, что каждый его житель так или иначе связан со мной. Пусть и не напрямую: скажем, я его не крестил. Но кто-то из близких был у меня на службе. А сколько домов я осветил. За сколько боролся. А сколько его видов, запахов, дыхания легло на мои картины. Здесь у меня похоронены трое детей. Вот она, моя любовь... Хотя сказать, что у меня была мечта именно где-то жить, где-то устроиться – у меня этого никогда не было...

Разговор прервал звонок на сотовый телефон.

– Привет, сынок! – ответил батюшка и спросил: – Чем занимаешься?

Слушал теперь сына, а потом:

– Да причащал. Мне батюшки сказали – да там человек пятьдесят будет. А оказалось, полный храм. Ну, я думаю, вы же медленно причащаете, я же быстро причащаю. Это молодежь, она неповоротливая. А когда начал причащать, вроде неудобно назад возвращаться. И вот причастил столько людей... Мы здесь сидим с Михаилом Ивановичем, это адвокат, мой крестник. Он принимает мою исповедь: где родился, где крестился, венчался, как жил... Я думаю, мы завтра утром приедем. Надо техобслуживание машине пойти...

Я понял, что звонит сын батюшки отец Александр, который крестил моих двоих сыновей. Сделалось немного неловко, что отвлекаю батюшку, но я взял себя в руки: а как же иначе, кто-то должен историю жизни батюшки сохранить.

– Даже не знаю, какие выделить. Многие памяты, когда с умными людьми общаешься. У меня был Геннадий Снегирев²¹, детский писатель. Очень интересная личность. Жена глубоко верующая, Татьяна. Он об искусстве мог много говорить. О природе. Глубоко верующий человек. Мне очень нравился из моих преподавателей митрополит Питирим. Волоколамский²². Он был Председателем издательского отдела Московского Патриархата.

Митрополит Питирим (Нечаев)

С поступления в академию был с ним знаком. На четвертом курсе, когда я был в академии, он был курсовым руководителем. Потом мы с матушкой получили его благословение на брак. Иногда созванивались с ним. Иногда где-то в Москве могли встретиться. А когда у меня в Доме Дружбы была выставка в Москве, я его пригласил на эту выставку. Но было время, когда некоторые журналисты искали изъяны в духовенстве, кто был связан с Советской властью. В частности, обвиняли владыку Питирима.

Я вспомнил, рассказы одного питерского профессора о том, как некоторые «сотрудничали» с властью, не поставляя никакой интересующей чекистов информации.

²¹ Снегирёв Геннадий Яковлевич (20 марта 1933, Москва – 14 января 2004) – писатель. Много путешествовал по стране. Написал повести и рассказы для детей о природе и животных.

²² Митрополит Питирим (в миру Константин Владимирович Нечаев; 8 января 1926, Козлов, Тамбовская губерния – 4 ноября 2003, Москва) – епископ Русской Православной церкви, митрополит Волоколамский и Юрьевский. С 1963-го по 1994 год возглавлял Издательский отдел Московской Патриархии.

Позвонила и моя жена Тانيا. После краткого разговора с ней батюшка передал мне трубку, и я сказал, что доехал хорошо, приняли, как дома, что беседуем и у меня нет никакого желания прерывать общение.

Когда батюшка снова взял трубку, то на какие-то слова Тани рассмеялся:

– Да какие мои годы! – и продолжил. – Я вот Мише рассказываю: мы поступили в академию двадцать семь человек, окончили двадцать два. А остались и служим Митрополит Московский Ювеналий и я. Двое служат. Остальные – кто не служит, кто ушел в вечность. Так что жизнь на месте не стоит.

Батюшка отключил сотовый.

– Батюшка, а помните, Вы меня возили на Матренину гору.

– Ты собирал материал про Троепольского.

– Да, так вот вышла книга «Человек Чернозема»²⁴. Это о Гаврииле Николаевиче и его отце священнике Николае Семеновиче...

Двор дома на Бланской

²⁴ Михаил Федоров. Человек Чернозема. – Воронеж: ГУП ВО «Воронежская областная типография», 2012. – 992 с.

– Я кандидат богословия. Я заслуженный художник. Много таких в России? Могу себе позволить. Вот многие читают церковные брошюры. Я им говорю: «Дорогие мои. Не на этом общество построено. А на уважении друг другу и на экономике. Экономика – это главная сила, которая тянет общество»...

**В доме на Бланской
стены картинной галереи еще пусты**

Мы ехали по четко очерченным, просматриваемым на всю длину улицам мало тронутого архитектурными нуворишами города. И словно вливалось в меня: здесь был батюшка, здесь, здесь... И я зажмуривал глаза: как же хорошо, когда есть такие люди! У любого идущего можно спросить: «Знаешь батюшку Стефана?», и я не сомневался в положительном ответе.

Проехав мимо старинного пивоваренного завода, свернули на пойму реки.

Батюшка остался читать в машине, а я окунулся в воду и пересекал протоку Вороны, плыл против течения и любовался бездонным океаном неба над собой. Небо чертили птицы, по нему тарахтел мотоплан.

Но пишет на быструю руку. Мало работает. И ни разу от него не слышал: что-то не то... А что бы ни написал: «О! Как я написал!» – так восторгается. Сказать ему: «Да ты только раскрой глаза и посмотри!». Недавно на пленэре. Он пишет пейзаж в черных очках!

Я рассмеялся.

– Да, творить через очки... Батюшка, а сколько пошли по Вашим стопам в священники?

– Внук пошел. Сын пошел. Два зятя священники. Муж внучки... Семь... Вот мы говорили о традиции кланов. Отец по линии матушки священник. Первое поколение. Я – второе поколение. Сын Саша – третье поколение. Степа – четвертое поколение... Четыре поколения священничества.

– Сильно...

Подъехали к парку.

– Ого! – я увидел храм. – Помню, какая была развалюха. Всё раздолбано, захламлено...

– Вот колокольню я построил. Было только основание.

Батюшка на стройке колокольни храма Бориса и Глеба

Дом на 40 лет Октября в Борисоглебске

– Небось, дом на Бланской был самый большой частный дом в Борисоглебске?

– Да, после меня многие тоже стали строить. И говорили: «Спасибо, ты показал пример, как можно строить».

– На завтра какие у Вас планы?

– С утра иду в церковь. И после службы едем.

– Можно, я с Вами пойду?

– Какой вопрос...

Мы подъезжали к Бланской:

– А почему Бланская?

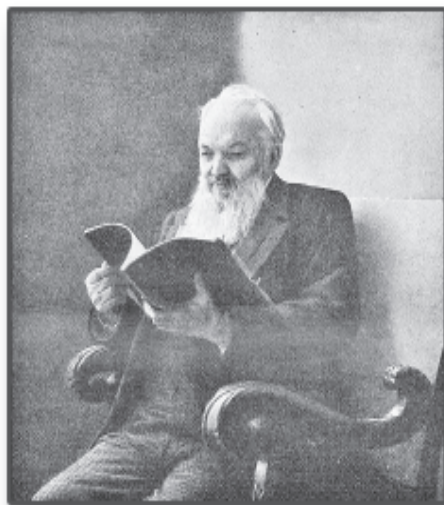
– Это раньше была Проезжая. А потом назвали Бланской. Наш город дружил с чешским городом Бланско...

– При Советах?

– Да...

– Домишки-то, XIX-й век...

- Видишь, какой снег, чистый-чистый...
- А ниже картина?
- Это около кладбища. Я как-то ездил на этюды. Посмотрел, мне понравилось. Быстренько набросал.
- Ниже. Лес...
- Это весна в лесу, – ответил и спросил: – От Исаева что осталось?
- О, поэмы «Суд памяти». «Даль памяти».
- Нет, я имею в виду, что он жил в селе.

Алексей Суворин

– В Коршево. Это десять километров от Боброва. Там музей в средней школе. В Суворинской²⁶. Никак не доделают. Домик родительский. Дом дедов. И могилы родни на кладбище. Там даже доску в честь губернатора, который ремонтировал Суворинскую школу, сняли. Побоялись, что написана фамилия губернатора, которая

²⁶ Алексей Сергеевич Суворин (1834, село Коршево Бобровского уезда Воронежской губернии – 1912, Царское Село) – русский журналист, издатель, писатель, театральный критик и драматург.

СЧАСТЬЕ

Утром собрались и поехали на службу. Без задержки у светофора переехали одноколейку, которая вдали впивалась в лесной склон над рекой Вороной.

Обогнули квартал, где в тень тополей спрятался бывший домик священника Домусчи на улице 40 лет Октября.

Пошли по лужайке с огромными каштанами.

– Это мы с матушкой посадили, – заметил батюшка.

В центре лужайки вазой возвышался фонтан.

Прихрамовая лужайка

Я вспомнил, что видел нечто похожее в Даниловом монастыре, когда приезжал на Всемирный Русский Народный Собор.

Там тоже все отливало изумрудом.

«А чем здесь не Патриархия! Из таких уголков она и складывается».

Батюшка поднялся по порожкам на крыльцо церкви и скрылся в распахнутых высоченных воротах.

Я невольно поймал взглядом приземистый домик с узкими оконцами, накупившийся с краю двора.

«Здесь меня крестил батюшка».

Это случилось в начале 90-х, когда, казалось, все летит в тартарары. Тогда я приехал к батюшке, весь вечер проговорил с ним о своей милицейской жизни и мучивших меня вопросах, а наутро меня батюшка крестил в этом домике. Я подошел к *нему*, захотел зайти, но что-то остановило. Понимал: второй раз не зайдешь, как нельзя второй раз зайти в одну воду.

И только где-то высоко-высоко словно высветился длинный полукруг из крестных отцов и матерей с малютками на руках, среди которых выделялся сутуlostью недавний милиционер, возжелавший в новую жизнь.

Я медленно обходил окруженный голубыми елями, пиками-кипарисами, пузатыми кустами боярышника храм, всматривался в надписи надгробных камней:

«Дорогая супруга... Здесь мир праху твоему...»

И со мной как бы разговаривали усопшие люди.

«Вот здесь когда-то и упокоится батюшка, Почетный настоятель Знаменской церкви, Почетный гражданин города».

Но эта мысль обожгла.

Я поднялся в храм и теперь, шурша по рассыпанным веткам, двигался к черненному алтарю, вдыхая душистый запах какой-то березовой рощи.

Сквозь слабый шум долетали переливистые голоса.

Вот тройкой лошадей зазвенел, усилился звуком, проплыл передо мной и угас «колокольчик».

«Кадило», – понял я.

Запели:

– Господи, помилуй...

Мы ехали в Воронеж. Асфальтовая шлея извивалась, затаскивая нас на горки и спуская в поймы рек. Когда над склоном горы появился шпиль и стал расти, батюшка сказал:

– Я там служил семь месяцев... Хороший народ здесь.

Машина преодолела холм, и на огромном плато в низине разлеглось домишками и дворами село Архангельское.

– А кто здесь служил до Вас?

– Батьки разные....

– Вы ездили сюда из Борисоглебска?

– Ездил. Там была развалюха при храме. Окошечко, как в сарайчике деревенском. По-моему, я там начал летом и зимой служил.

– Жили здесь?

– Да нет, народу не так много ходило. Я служил в праздники и воскресные дни. Садился в Борисоглебске и приезжал, а меня уже здесь ждали и на телеге везли к церкви. А-то и пешком...

– А когда Вы сюда попали?

– Здесь оказия такая. Тогда уполномоченным был Назаров, старенький еврей, рассудительный – при нем меня и в Архангельское...

«Уполномоченный по делам религий».

– После Назарова – Шибан. Злобный старик. Он был предриком в Грибановке – так его в уполномоченные. Кого-то подговорили, подпилили лаги в храме, и во время крестного хода пол провалился. Люди погибли. Храм закрыли. Вот как боролись! А потом уполномоченным стал Быковский. Он ненавидел церковь и все, что связано с ней. А после Губин...

У меня мороз пробежал по спине: перед глазами возникали звериные оскалы этих уполномоченных.

– Как попали в Архангельское?

– Мне предложили в Девицу под Воронежем...

– Это по дороге из Воронежа на Курск?

– Да, но там настоятелем был отец Иоанн Фетяев. Такой месточтимый святой. К нему народ очень хорошо относился. Подвижник. Там ко мне монашки прилепились: «Батюшка, да мы ради вас...»... И я не пошел. А зря.

– Фетяев почил и Вас туда?..

– В Аннинском районе храм в Архангельском. В Березовке. В Никольском... Храмов тридцать, наверное, было. Это 83-й, 84-й год.

– А как стали благочинным?

– Архиерей вызвал и сказал. А в то время я единственный был с высшим образованием.

Когда проехали Битюг и въехали в Анну, увидели белоснежный храм.

– Вот такая она, моя жизнь...

Храм в Анне

Далее сто километров до Воронежа ехали молча: ни мне не хотелось говорить, ни – батюшке. В эти минуты с каждым говорил Божий мир за окном машины. Батюшка его знал, изъездил столько стран, но службой за человека всегда был привязан к этой степной, с перевалистыми просторами стороне, воспевал её в своих картинах. И не изменил ни одному её жителю ни словом, ни поступком.

А я замирал, шептал:

– Как хорошо... Как хорошо...

Солнце разливало свет по горизонтным просторам, отгоняя всё темное.

9 июля 2014 года

– Кривошеин, Савин, Разумов...

– А борисоглебский был?

– Он не пошел. Его отпустили... А сколько у благочинного священников?

– Не знаю, как тогда, а теперь около двадцати. В свое время я был благочинным на восемь районов. Сейчас у благочинного четыре района. Но сейчас не в каждом селе храм, а тогда – в каждом. А если еще большое село, то и по два храма было.

– И что благочинный должен делать?

– Благочинный должен следить за тем, как священники служат, проповедуют. Чтобы порядок был в храме. Ну, благолепие чтобы было в церкви. За этим они и следили.

– А трудно благочинному? Это же не начальник милиции, вызвал, матом отругал.

– Я не знаю, чем занимался благочинный в те времена, а чем занимается благочинный в наши времена, это порой печально. Потому что когда я был благочинным в Советские времена меня заставляли сообщать: много треб или нет. То есть: есть ли с чего взять? Дело в том, что забывали, что есть мирская сторона и духовная. Это две разные вещи. Когда смотрят на приходы, как на свою вотчину, из которой можно выжимать, это грешно. Любой священник должен окормлять паству, спасать души. Понимаете, духовенство частью окунулось в мирскую суету. Думают о своем положении, а не о спасении. И не только сейчас. Вот я помню, один из наших святителей говорил, что когда приезжал в Троице-Сергиеву Лавру в старое время, то не знал, о чем говорить со своими братьями, епископами. К величайшему сожалению... Понимаете, церковь, когда гонима, в первые три века она спасала себя подвигами. Потому что каждый день тебя могут зверям бросить, казнить, четвертовать...

– Подвигами... А обновленцы? Вот отца Николая Троепольского обвинили в том, что он не только против колхозов, но и – обновленцев...

– Обновленцы... На них Советская власть делала ставку, как на людей, которые разложат церковь. Ведь русский верующий привык видеть в духовенстве пример для подражания чистоты семейной жизни и в обществе. На те правила, которые всегда святы были для

в Воронеже, который сказал: «Это же глупость, когда церковь отделена от государства». Что такое государство? Что такое церковь? Это же народ. Народ или объединенный конституцией или объединенный верой?

– Когда разваливался Советский Союз, мы все ждали какого-то очищения, раскрепощения. Так и обновленцы, возможно, от какого-то засилия. Которое батюшек возмущало. А потом увидели, куда потянули... Отец Троепольского тоже потянулся к обновленцам. Тоже чего-то ждал. Тоже хотел какого-то обновления. Но со всеми приходами отошел от них...

– Слушай, может, что-то и надо было предпринять... И в тоже время надо, как и всегда, смотреть в корень. Что в этом заложено. Ведь подлые люди порой проектируют все годы, а конец какой. Вот сейчас развалили Советский Союз, государство, которое великими трудами собиралось.

**Отец Николай Троепольский
с сыном Гавриилом Троепольским**

– Хирургически разрезали...

– Развалили... И что мы имеем?

– Батюшка, а вот что может благочинный? Священник начинает что-то делать не то, что должен благочинный?

– Ну, мы, прежде всего батюшки, обязаны соблюдать церковный устав. Не допускать сектантские проникновения в церковь, которые могут догматическую сторону церковную подрывать. Чтобы сохранить церковное учение правильное. Церковь саму сохранить. Потому что, если каждый будет на себя тянуть церковное одеяло, то будет такой же развал, как в государстве.

Я показал фото старой афиши:

– Видите, песнопения обновленцев в театре Борисоглебска.

– А где ты ее заснял?

– В Борисоглебском музее. Там знаете, сколько материалов.

– Обновленческая листовка... Они и против бюрократии церковной, и за упрощение... Ведь всегда нужно чем-то привлечь. Как в одном из протоколов сказано: нужно повлиять на человека, чтобы он остановился и задумался. А потом его поведем... Мы его поведем... Куда? Туда, куда надо...

Подъезжали к Чигораку.

– Какие места крутые! – вырвалось из меня. – Изгиб, как над поймой. Бугры. Даль...

– Наш бывший благочинный рассказывал, что старики ему говорили: когда расстреливали здесь людей, то кто не сразу умирал, их штыками закалывали... Вот что страшно, что русские друг друга...

– А вон яр, какой глубокий начался, – я смотрел налево в глубину огромного пространства, перевел взгляд на противоположную сторону на лес. – А сосны...

Снова смотрел в яр:

– Ой! Спаси Господи! Какой крутой обрыв...

– Говорят, под этим обрывом все было оцеплено колючей проволокой. Вот здесь зачитывались приговоры, сюда уводили и расстреливали.

– Над обрывом?

– Говорят, там внизу...

– Там глуше... И все закрыто...

– Матренин яр. А через лес река...

– Высота, метров тридцать, – прикинул я. – Даже выше...

Мы вышли из машины. Над обрывом стоял поминальный крест.

Молча прошли к кромке Матрёнина яра и, держась за ветви деревьев, которые цепочками тянулись вниз, спустились.

«Тут лететь и лететь».

Я невольно представил, как кувыркались по склону тела несчастных. Возникло жуткое ощущение холода, как будто тепло улетучилось с земли и оставило замерзать.

– По-разному... Я не могу здесь судить... Если взять по житиям святых... Люди встречали смерть, как встречу с Богом... Даже многие обращались к Богу: «Прости, ибо не ведают, что творят». Может, по-мирски: «Да будьте вы прокляты, вы и ваши дети». Так скажет человек, выведенный из равновесия. А настоящий верующий, он молится: «Господи, прости их...» Молились за убийц. И они сожалели, что так низко пали, подняли руку на жизнь человека...

– Были стукачи. Так называемые осведомы. Осведомители. Но они плохо работали. В деле есть справки, что ничего дельного не сообщали...

– Были осведомители, которые обыгрывали чекистов.

– В смысле?

– На кого-то донос. Чекисты может ждут, что им дадут материал, который будет основанием, а тот мог так преподнести, что как бы ограждает жертву... Допустим: «Иван говорил то-то и то-то про Советскую власть?» – «Да нет, он даже хвалил. Говорил: «Слава Богу, что она пришла Советская власть...»». Мог выступить в защиту подозреваемого. Вот расскажу пример. Из ЦК прислали к покойному архиепископу Саратовскому Пимену⁴, чтобы он дал свое мнение о Солженицыне, а владыка покойный дружил с Солженицыным и Растроповичем. Он интересовался и литературой, и музыкой, ну, нашли они общий язык. Глубоко верующий

Архиепископ Пимен

⁴ Архиепископ Пиммен (в миру Дмитрий Евгеньевич Хмелевской; 26 сентября 1923, Смоленск – 10 декабря 1993, Саратов) – епископ Русской Православной церкви, архиепископ Саратовский и Вольский.

– Курение – это в России считается за грех. А на востоке все патриархи, епископы, духовенство, все курят. Они в этом не усматривают греха.

– То есть курение это не так уж и... А в посты ограничивает себя.

– В посты? Из-за благоговения перед постами, в пост прекращал курить. Вот я, если бы и обязывали курить, я бы не стал. Я не воспринимаю.

– Батюшка, вот 1931-й год. Отца Николая Троепольского арестовали, ему за пятьдесят лет. Его возраст, умудренный опытом уже. Его сын Гавриил – учитель в Махровке. Старшая дочь за военлетом Погрешаевым. Младшая дочь Валя – учитель. И отец боялся приближать их к себе. Они жили обычной мирской жизнью...

– Дети даже отказывались от родителей. И родители говорили: «Вы уезжайте от нас подальше, чтобы вас не тронули...». Репрессии породили страх. И страх ужасный. Кому хочется умирать? Только когда говорят о большом уме Ленина, я сомневаюсь. Ведь он мог, придя к власти, дать свободу. И он со всеми мог бы найти общий язык. И с духовенством. И с купцами. И с кулаками. Со всеми мог. Было плохо, давайте сделаем так, чтобы мы вышли в передовые и о нас говорили, как о стране... Он выиграл бы. А на крови не особо выиграешь. Я считаю, что когда опубликовали, что убили царскую семью и особенно детей, то это был конец этой идеологии. Как же вы можете подписывать такое?! Руководитель государства не может подписывать это. Это должна быть процедура, тебе не объяснять, как адвокату. Это суд должен решать. Ну, хорошо, если он царь, то царю можно предъявить обвинение. А что можно предъявить детям? Ничего... Власть сразу поставила крест на свою идеологию!..

– Каждый по своему видит правду...

– Я считаю, это месть за брата... И запад имел его, как игрушку в своих руках. И мир всегда разделен и будет разделен. И никто в сильном соседе никогда не будет видеть друга. А всегда будет стараться его осадить, если и не уничтожить.

– Вы знаете, заставляли. Если ты не сделаешь, тебя и с работы, тебя и посадят.

– Мог он дойти до самоубийства?

– Если человек покончил жизнь самоубийством, то он был очень порядочный человек, оценил правильно все свои поступки и сам себя наказал за то, что он допустил. Ну, возьмите, Иуда. Иуда, когда узнал, что он пролил кровь неповинную, он решил уйти из жизни. Этим самым в его понятии искупить свой грех.

– Нашел для себя выход...

– Мог ли чекист до такой степени подняться, чтобы порешить себя? Мог... Даже и среди чекистов... Не все же чекисты подонки, не все же судьи, не все же прокуроры... Если он порядочный человек, то он хочет со спокойной совестью жить... Ведь не было прямых законов, чтобы вот сейчас же расстрелять... Это была самодеятельность Ленина. Самодеятельность того же Феликса Эдмундовича. Закон нигде прямо не говорит: возьми и расстреляй. А в угоду той идеологии не с человеческим, а с сатанинским лицом, люди это и делали. Я вот даже в наше время помню уполномоченного Быковского Алексея Ивановича. Он настолько ненавидел духовенство, настолько ненавидел церковь... Ну, хорошо, ты ненавидишь. Но найди себе другую работу. Ты можешь ненавидеть в душе, но ты соблюдай законы. Когда приехал сюда владыка Ювеналий⁵, то при первой встрече тот: «Как мы будем с вами работать?» – Быковский спрашивает. А владыка: «В согласии с законодательством». Всё! Есть Конституция. Кто ж мне говорил как-то? По-моему Анатолий Кириллович...

– Никифоров⁶...

– Да, Никифоров... Он подошел: «Я Вас знаю. Мне из-за Вас приходилось с Быковским воевать». Я говорю: «А в чем было дело?» Он: «Быковский все время настаивал, чтобы Вас репрессировать».

– Вот это да!

⁵ Схимитрополит Ювеналий (в миру Спиридон Алексеевич Тарасов; 29 апреля 1929 – 13 января 2013) – епископ Русской Православной церкви. С 1975 по 1982 год епископ Воронежский и Липецкий.

⁶ Анатолий Кириллович Никифоров был заместителем начальника Управления КГБ по Воронежской области.

времена были и хорошие люди, и... Здесь был источник, – показал на высокую обочину дороги.

– На склоне?

– Где-то вот здесь, немного ниже... Чуть не наверху был... Так что и против собратьев могут...

– Матренин яр, – я вспомнил название места расстрелов. – Если там копать...

Священник:

– Власть увидела пользу церкви, и могла бы объединить людей. Но воришки, которые набили себе богатство, они ...

– Им о совести без толку...

– Печально... Не знаю, как дальше будет? И кому что предьявишь. Кто теперь ответит... Я иногда удивляюсь тем, вот, разорили то-то, Советская власть делала-делала...

– Коммунисты, ведь коллективизм...

– Вот смотрите, в коллектив загоняли силой репрессий. Но со временем все сложилось. Имеются все специалисты, мощная техника, люди привыкли к такому укладу.

– Все наладилось.

– Зачем в приказном порядке разорять... Ведь вызывали и: ты еще не закрыт?

– Бедная Россия... Экспериментируем... – сказал я и посмотрел на пойму: – Здесь лужи видно были...

Мы подъезжали к Борисоглебску.

– В разлив до самого берега доходит вода. Она все и вымыла...

4

– Где бы Вы хотели лежать? Ведь священник. Где уйти на вечный покой...

– Трудно сказать. Но я бы хотел, чтобы меня похоронили рядом с сыном. Мать – с дочкой. Зачастую священников хоронят в ограде церкви. Ну, а возьми, когда пришли закрывать церкви, они все памятники порушили вместе с храмом... Я считаю, что атеизм столько зла принес русскому народу, что это долго еще будет откликаться. Я не вижу, чтобы много делалось, что во благо народа.

– Меня, как кипятком облило. «А кому нужны Ваши заслуги перед Борисоглебском?» И он еще проповедует. Живи, как тебе хочется, не имей совести, а делай так, как тебя устраивает... Ведь всю историю люди учились на примерах других. Военные ориентировались на своих полководцев. Духовенство на своих. На преподобных и святых...

Я вспомнил свой рассказ «Андрей Рублёв» и сменил тему:

– Храм Бориса и Глеба долго восстанавливаете? Раньше видел, там развалины.

– Лет семь. Москва выделила на храм... А взяли и забрали на другую церковь... Дали на Бориса и Глеба. А они забрали... Ладно, как с адвокатством?

– А я всё «по колению в крови»...

– У вас и сравнение...

– А что, суды и суды... Того обобрали, того убили...

– Мы хороним, а вы подготавливаете...

Мы въехали во двор дома батюшки.

– Чаю попьем... И коньячком и водочки бы, но сейчас пост... Только чай... – сказал батюшка, когда зашли в гостиную.

Я не успел ответить, что с водочкой и коньячком не в ладу, как батюшка достал книжку биографий заслуженных людей Воронежского края:

– Владыка мне: «Вы поднялись на такую высоту, что Вы для меня должны быть примером».

– Так и сказал?

– А на меня написал писарчук и меня обвинили, что будто я в проповедях задевал главу администрации женщину...

– А у вас же мужчина.

– Нет, женщина. Да, но я говорил о грехе человеческом и там был такой момент: чтобы быть христианином, нужно исполнять свои обязанности перед Богом и законом. Если ты судья, суди по правде. Если ты начальник, то тебя пригласили, чтобы ты служил народу. Если торговец, то торгуй, не обкрадывай людей. Я вот так прошелся по всем. А они написали, что я её... Всякие гадости. Но как я мог в

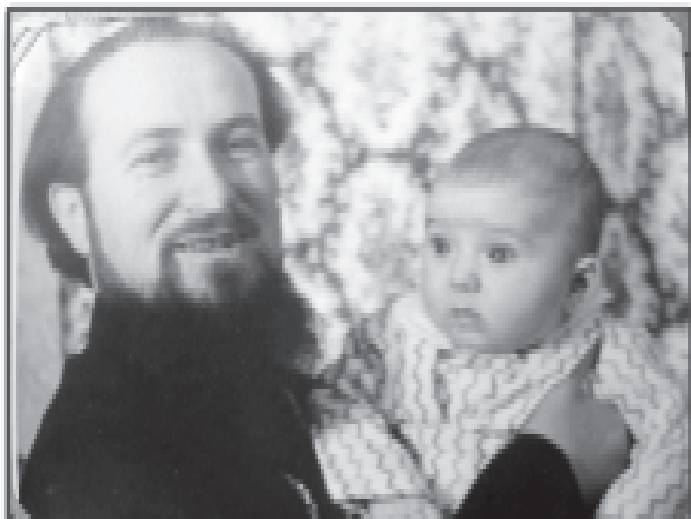
ФОТОАЛЬБОМ

*Стефан Домуочи
в молодости*

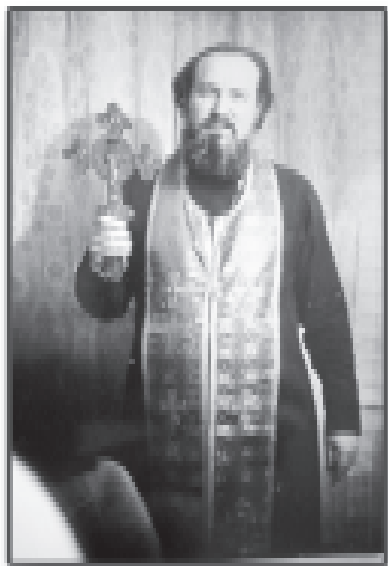
После венчания

о. Стефан с сыном Мишей 1969 год

Дом

Отец Стефан

Машушка Галина

Дом на Вланской 90-е годы

Дети в гостях у о. Стефана

В соборі. О. Стефан крайній слева

Благодарність на виставці

Матушка Галина у рояля

*Матушка Галина, о. Стефан
беседуют с губернатором Кулаковым*

В галерее 20 августа 2008 года

В галерее 8 июля 2014 года

Бабушка 20 августа 2008 года

Бабушка с бабушкой на веранде 20 августа 2008 года

*Бабушка у памятного креста на Матрениной горе
20 августа 2008 года*

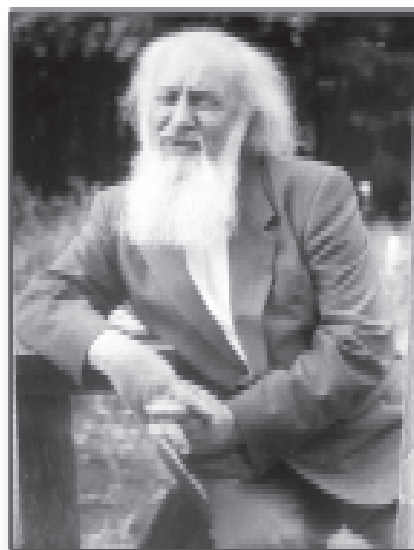
Бабушка счастлива

Дом и галерея

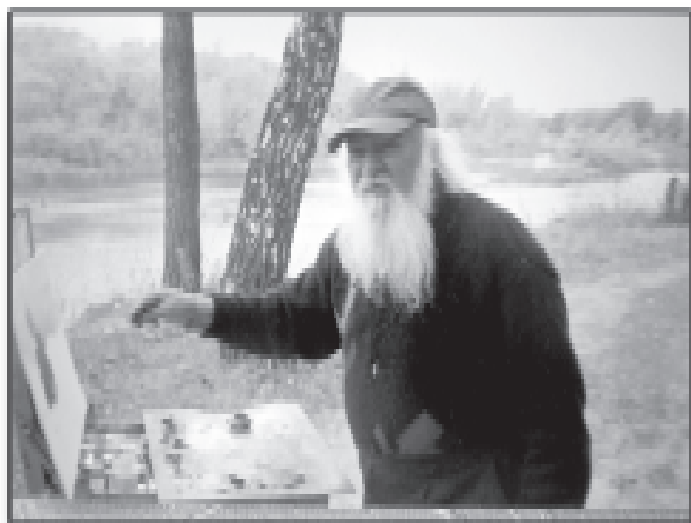
Дом в июне 2014 года

Любимый бабка

Картинная галерея 9 июня 2014 года

На борисоглебской земле

На встрече

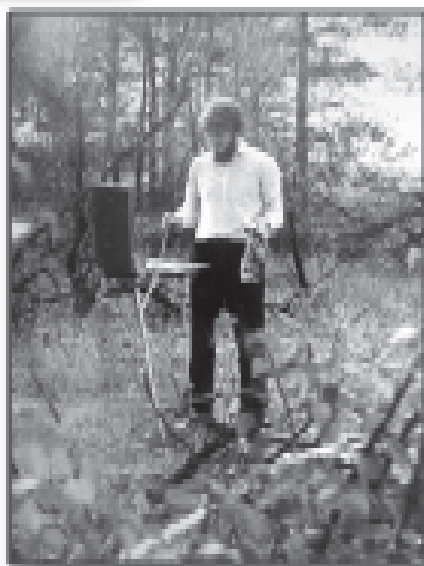
На открытии выставки

На выставке своих картин

о. Стефан

о. Александр
на планере

o. Stefan дома в картинной галерее 9 июня 2014 года

o. Stefan и Руслан Госцев 9 июня 2014 года

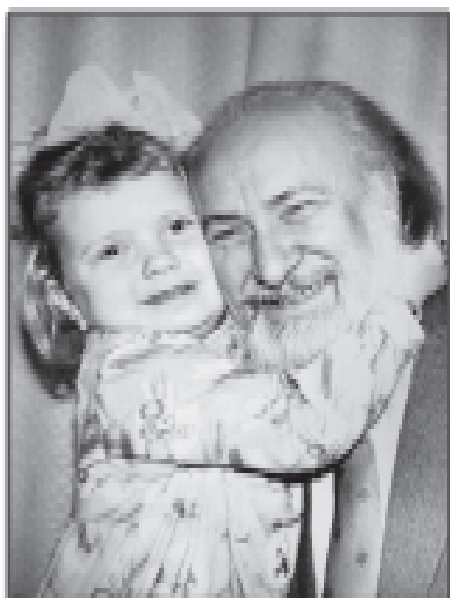
*Протоиерей
Стефан Домусци*

о. Стефан о делувањем Господуни

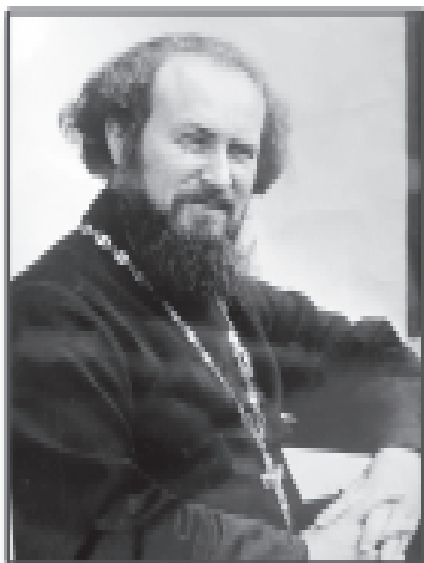
Портрет Патриарха Алексия Второго

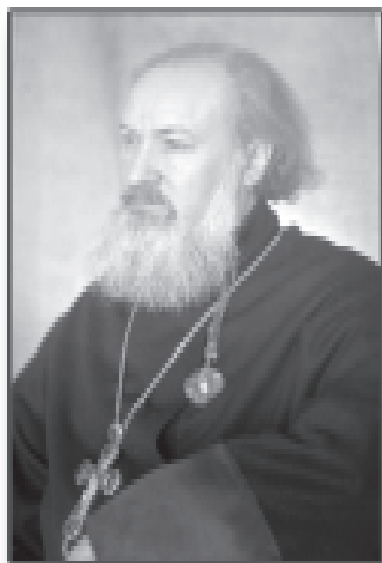
Радость!!!

С депутатом Госдумы

Сколько добра в уна

*Симониник
Стефан Домочин*

Труд

*Маленький перерыв между службами
отдан любимому занятию*

Оглавление

Художник от Бога	3
По дороге в Чигорак	84
Фотоальбом	101